

ставший союзником Иштвана Мади. К сожалению, этот образ, который по замыслу должен был стать одним из центральных, по силе художественного изображения в повести уступил фигурам отрицательным. Пессимистичным и незавершенным представлялся и финал повести. В самый решающий момент писатель неожиданно отправлял Чеге в длительную заграничную командировку, словно для того, чтобы в трудную минуту оставить своего героя без поддержки и дать возможность Сухай безнаказанно уволить Иштвана.

Быть может, поэтому картина жизни создавалась несколько мрачная, хотя, несомненно, — «горькая и смелая», по утверждению венгерской прессы, высоко оценившей страстность, правдивость образов и мастерство Гезы Мольнара.

Перерабатывая повесть по просьбе Театра имени Чоконаи, уже осуществившего интересную постановку одной из драм Мольнара — «Именины Анны», писатель нашел отчасти иной поворот темы и иные средства к ее воплощению. Теневые стороны жизни отнюдь не сглажены, однако композиционно большая роль в пьесе принадлежит секретарю обкома Арону Чеге и самому Иштвану Мади.

Читатель повести невольно задумывался: где и когда будут опубликованы разоблачительные очерки Мади? В пьесе совершенно очевидно: они появятся в следующем номере. Скоро, очень скоро все эти «калифы на час» займут по праву принадлежащее им место на скамье подсудимых. Залогом этому — такие люди, как Иштван Мади и Арон Чеге, залогом этому — сама социалистическая действительность.

Ситуация, в которой оказывается Иштван в драме, отнюдь не представляется пессимистической. Вернется ли он в Медервар, в редакцию той же газеты, после того как снимут Сухай, или же будет работать в каком-нибудь другом месте — не в этом суть дела и не это волнует зрителя. В самую трудную минуту Иштван Мади выдержал испытание и чувствует себя непобежденным. Его жизнь, его творчество никогда не разойдутся с великой правдой молодости.

Е. УМНЯКОВА

ВОСПОМИНАНИЯ АНДРЕ МОРУА

André Maurois. Mémoires. Paris, Flammarion. 1970.

Когда Моруа задавали вопрос: «Ваше любимое занятие?» — он неизменно отвечал: «Писать». Трудился он самозабвенно, переделывая рукопись по пять-шесть раз. Каникулами называл время года, когда лучше работается. За полвека им было написано около двухсот произведений, тысячи статей. Перу Андре Моруа принадлежат жизнеописания великих людей, психологические романы, путевые

очерки, книги по истории, литературные портреты, работы по искусству, стихи, пьеса, сборник афоризмов. Центральное место бесспорно принадлежит биографиям. В 1970 году — три года спустя после смерти автора — вышла последняя биография, его собственная. Перед нами «Мемуары» Андре Моруа.

Жизнь Моруа — это прежде всего история созданных им книг. Но меньше всего его можно назвать кабинетным писателем. Он был свидетелем и участником двух мировых войн. Ему довелось руководить принадлежавшей семейству фабрикой, преподавать, заниматься журналистикой, выполнять дипломатические поручения. Моруа был знаком с крупнейшими государственными деятелями Западной Европы и Америки, поддерживал дружественные отношения со многими большими писателями. Воспоминания Моруа — не только ценный источник для изучения его жизни и творчества: они проливают свет на литературную и общественную жизнь Франции XX века.

Собственно говоря, мы уже были знакомы с частью «Мемуаров»: в 1941—1942 годах в издательстве Дома французской книги в Нью-Йорке вышли два томика воспоминаний. В окончательном варианте Моруа не ограничился переработкой первых частей, он написал две новые, доведя повествование до осени 1967 года. Перед читателем разворачивается драма жизни в четырех действиях. В этой, казалось бы гладкой, жизни были падения и взлеты, солнечная идиллия сменялась острыми драматическими конфликтами, связанными с самим характером нашего тревожно-го времени.

Детство писателя никаких бурь не предвещало. Отец, Эрнест Герцог, человек твердых правил, передал сыну чувство патриотизма, обостренное после военного поражения. Герцоги были выходцами из Эльзаса: в 1871 году они не пожелали остаться под немцами и переселились в местечко Эльбеф под Руаном. Здесь, в Нормандии, 26 июля 1885 года у Эрнеста родился сын. Мальчика — будущего писателя — нарекли Эмилем.

Первая часть «Мемуаров» называется «Годы ученичества». В прямом смысле слова: в руанском лицее Эмилю посчастливилось попасть в класс философа Алена, который до конца своих дней останется его наставником. «Годы ученичества» в более широком, гетевском смысле: университетами писателя была мировая война. В действующей армии он начал писать и опубликовал в 1918 году свой первый роман «Молчаливый полковник Брембл» под псевдонимом Андре Моруа. Андре — имя двоюродного брата, павшего в бою; пришлось по душе и название прифронтовой деревни — Моруа, в котором слышалась «звонкая грусть».

Годы ученичества закончились в тысяча девятьсот девятнадцатом, когда с фронта пришел рано поседевший человек. Его жизнь круто переменялась. Опыт, приобретенный в дни войны, помог понять: к пре-

жнему существованию — провинциального фабриканта — возврата нет. Драматически развязался узел личных отношений, распался «семейный круг». Внезапно скончалась жена Моруа, красавица Жанина. Несколько лет спустя он вступил в брак с Симоной де Кайаве, верным спутником до конца дней. Жанина и Симона стали прообразами героинь первого психологического романа Моруа «Превратности любви»: два зеркала, в которых попеременно отражается судьба мужчины... Начались «Годы работы», работы литературной.

Обстоятельно рассказывает Моруа о том, как складывался и воплощался в жизнь замысел трилогии об английских романтиках — Шелли, Байроне и о посредственном литераторе и известном государственном деятеле Дизраэли. Мы входим в творческую лабораторию писателя, можем проследить, как формировался его реалистический метод, как под его пером возрождался древний биографический жанр.

Моруа знакомит нас со своими друзьями — Мориакон, Роже Мартен дю Гаром, Полем Валери, Жироду; правда, постепенно рассказы о писателях и книгах все более уступает место описаниям путешествий и картин светской жизни. Дело в том, что в середине 30-х годов художнические помыслы отходят у Моруа на второй план. «Потерянное время» — так называется соответствующая глава воспоминаний. Моруа оказался перед лицом серьезного творческого кризиса. Увенчанный академическими лаврами, он чуть было не сделался модным писателем, законодателем правил хорошего тона на литературном Олимпе. И потребовались годы тяжелых испытаний, прежде чем Моруа снова вышел на дорогу настоящего искусства.

Третий акт драмы — «Годы несчастья». Моруа считал изгнание самым большим несчастьем, которое может постигнуть человека. Для него изгнание началось в июне 1940 года, когда военное министерство откомандировало его в Лондон. Во время «странной войны» лейтенанта Моруа назначили французским наблюдателем при британском экспедиционном корпусе — теперь он хотел поведать англичанам правду о трагедии Франции, добиваться эффективной помощи в борьбе против нацистской Германии. Но было слишком поздно — гитлеровцы оккупировали его родину. После недолгого пребывания в Англии писатель отправился в Америку. Он возлагал большие надежды на вступление в войну Соединенных Штатов и хотел всеми силами этому вступлению содействовать.

В рассказе о годах, проведенных в эмиграции, не всегда чувствуется трагический пульс времени, частное порой заслоняет всеобщее. Тем не менее не лишено интереса повествование о жизни Моруа в кругу других изгнанников — Метерлинка, Томаса Манна, Стефана Цвейга и особенно Сент-Экзюпери, с которым он в ту пору сблизился. Моруа много пишет, ездит по стране, выступает с речами, читает лекции в университетах. Поддерживала вера в по-

беду над гитлеризмом. В патриотической речи, произнесенной в январе 1943 года, писатель говорил о «Париже, городе большого сердца, Париже, городе мятежном и страстном, Париже, городе захваченном, но не покоренном».

Не покидала мысль: надо вернуться в строй. Такая возможность представилась в 1943 году после высадки союзных войск в Северной Африке. Офицеры запаса Сент-Экзюпери и Моруа заявили о желании служить во французской армии. Участник десанта на острове Корсика капитан Моруа оказался в числе первых французских вступивших на освобожденную французскую землю. За Корсикой — Италия, поездки на линию фронта. В конце года по распоряжению командования писатель вернулся в США. В Америке продолжалось чтение лекций, пока — в 1946 году — не пробил долгожданный час возвращения на родину.

Четвертая часть мемуаров — «Годы покоя» — позволяет наглядно проследить изменения в мировоззрениях и художественной практике Моруа.

Пора изгнания не прошла для писателя даром, он освободился от груза сословных предрассудков: «Несчастье... излечило меня от некоторых предупреждений. Начав свой жизненный путь в стане тех, кому принадлежит власть, я долгое время оставался глух к недовольству тех, кто лишен власти». В испытаниях окрепла вера в людей, антифашистские убеждения стали еще более определенными. «Наша цель, — говорит Моруа, — видеть в каждом человеке человека. Ужасы мира концентрационных лагерей, земного ада, где жестокость, пытки, убийства считались законными, все эти ужасы были возможны лишь потому, что бесчеловечные теории отрицали право людей всех стран, классов и рас именоваться людьми».

Эволюция общественных взглядов, преодоление известного консерватизма мышления благотворно сказались и на творчестве.

СРЕДИ КНИГ

Расширился круг тем, зазвучали новые мотивы. Написав биографию изобретателя пенициллина Александра Флеминга, Моруа впервые обратился к людям науки. Он был склонен критически оценивать свои ранние произведения, где общественный фон не всегда просматривался. Теперь, и это главное, Моруа обращается к прогрессивной национальной традиции. Так возникла трилогия о французских романтиках — «Лелия, или Жизнь Жорж Санд», «Три Дюма», «Олимпио, или Жизнь Виктора Гюго». И, наконец, лебединая песнь Моруа — «Прометей, или Жизнь Бальзака».

Воспоминания Моруа свидетельствуют о том, что в последние годы жизни укрепились его связи с передовыми кругами Франции. Он сотрудничает в прогрессивных изданиях, публикует вместе с Арагоном «Параллельную историю США и СССР» (Моруа принадлежит часть, посвященная Америке).

В 60-е годы устанавливаются дружественные контакты с советскими литераторами. Моруа рассказывает об издании его книг в СССР, о статьях, написанных для советских газет и журналов. «Мои переводчики приезжали ко мне в Париж; я получал письма от своих читателей из Москвы, даже из Сибири. Я радовался этим связям, установившимся со страной Толстого и Чехова, Пушкина и Горького». Великолепный знаток русской классической литературы, Моруа проявлял живой интерес к произведениям советского искусства, восхищался «эпическим характером и здоровым духом советских фильмов». Престарелый писатель не раз говорил о своем желании приехать в нашу страну. Этим планам не суждено было осуществиться.

Моруа продолжал напряженно работать. В 1966 году вышла книга «Открытое письмо молодому человеку», где он утверждал: «Не в моих силах помешать войне, но тем, что я говорю и пишу, я оказываю определенное воздействие; приумноженное миллионами других, оно сделает угрозу войны менее вероятной». Было немало других замыслов. Развязка последнего действия наступила внезапно.

Заключительная глава «Мемуаров» названа по известной строке из «Цветов зла» Бодлера: «Смерть! Старый капитан! В дорогу! Ставь ветрило!». Лето 1967 года было омрачено болезнью жены. Уже после того как 20 сентября Моруа поставил точку под предисловием к «Мемуарам», ему самому пришлось обратиться к врачу, который предложил немедленную операцию. «То был удар грома среди ясного неба. Годы покоя все больше становились годами бедствий. За себя не тревожусь. Мне и рань-

ше делали операцию; я знаю, что придется немного помучиться, претерпеть боль, но затем, после перенесенной опасности, наступает облегчение. Но я опасаясь потрясения». Это последние слова воспоминаний.

«22 сентября отец лег на операцию в одну из парижских клиник», — рассказывает писательница Мишель Моруа, побывавшая в этом году в нашей стране. — Сама операция прошла благополучно, но диагноз не оставлял надежды: рак. Несколько дней отец чувствовал себя хорошо. Просил обязательно опубликовать «Мемуары». Потом наступило резкое ухудшение. 9 октября его не стало».

Осенью прошлого года — именно тогда вышли в свет «Мемуары» — мне посчастливилось побывать в местечке Эсандьера в Перигоре, где Моруа с давних пор проводил большую часть года. Меж столетними дубами дорога подымается к уютному диким виноградом двухэтажному дому. В конце XIX века дом был пристроен к старинному замку со средневековой башней. У подножья замка вьется узенькая речка Ля Лу — Волчица. Кирпично-красные, темно-фиолетовые, лиловато-серые черепицы ферм, белые стены замков да высокие колокольни выглядывают из раскинувшихся по холмам лесов. Только пение петухов или крик иволги изредка нарушает тишину. Здесь, в уединении, недалеко от знаменитой башни, где некогда трудился над «Опытами» Мишель Монтень (Моруа называл его своим соседом), создано немало жизнеописаний великих людей. Не так давно гостеприимный хозяин принимал в Эсандьера своих друзей — писателей Мориса Дрюона, Клода Мориака, Жана Дютура, известного биолога доктора Альбера Делоне.

Теперь дом принадлежит миллиардеру Сильвену Флуара, который выплачивал Моруа пожизненную ренту. Судя по всему, новый хозяин поместья (так и хочется сказать «вишневого сада») меньше всего думает о том, чтобы увековечить память о большом французском писателе. Не сохранился даже рабочий кабинет Моруа... Покидаешь Эсандьера с двойственным чувством — радости от встречи с прошлым и огорчения от встречи с настоящим. И невольно приходят на память слова писателя, разделявшего мудрость Вольтера, принявшего его девиз: «Надо возделывать свой сад». «Не знаю, — говорил Моруа, — кому будут принадлежать мои сосны, когда вырастут, — очередному владельцу или колхозу». И в духе автора «Кандида» добавлял: «Франция будет всегда. Давайте же сажать леса».

Ф. НАРКИРЬЕР